

5

1966

Искатель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

♦ АНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ :

Виктор СМИРНОВ. Сети на ловца	2
В. МЕЛЕНТЬЕВ. Шумит тишина	33
Теодор ТОМАС. Сломанная линейка	51
В. ЧИЧКОВ. Час по-мексикански	58
Г. АЛЬТОВ. Ослик и «аксиома»	66
Рэй БРЭДБЕРИ. Почти конец света	91
Ф. РУМЯНЦЕВ. Тайна мультимиллионера Бехера	102
Игорь ПОДКОЛЗИН. На льдине	110
Эльберт КАРР. Похищение кошки	117
Н. ЭЙДЕЛЬМАН. Петя Кантроп	132
Отто ФРИШ. Об эффективности использования угольных станций	143
Артур КОНАН-ДОЙЛЬ. Дезинтегратор Немора	148

5 (35)

1966
ШЕСТОЙ
ГОД
ИЗДАНИЯ

ВИКТОР СМИРНОВ

Сети
НА
ЛОВЦА

The title is rendered in a bold, expressive, hand-drawn style. The word 'Сети' is written in a large, sweeping cursive font. Below it, 'НА' is in a smaller, blocky font. The word 'ЛОВЦА' is the largest, in a very heavy, blocky font. A silhouette of a fisherman is integrated into the background, appearing to be inside a fishing net that is draped over the text.

«Я ловко сети, Озрик,
расставлял и угодил в
них за свое коварство».

Шекспир, Гамлет

Рассказ

Вто воскресное утро, когда я, по-соседски коротко посту-
чав в фанерную дверь, вошел к Павлу Чернову, старший
лейтенант милиции лежал на раскладушке с увесистым
академическим томом Шекспира в руках.

— Привет, старый,— сказал он, не отрывая глаз от
книги.— Вот наслаждаюсь, понимаешь ли, покоем, хо-
тя мне, как детективу, положено денно и ночью гоняться за
преступником. Ты никогда не писал детективных рассказов?

— Не писал.

— Жаль. У Шекспира нашел бы эпитафию для любого случая.

Я огляделся и, так как единственный стул был превращен в вешалку, уселся на стопу подписного Мельникова-Печерского. Говорили, что молодой следователь отличается профессиональной пунктуальностью и пристрастием к порядку, но, очевидно, эта черта характера истощивала себя в служебные часы. Дистрофичная желто-зеленая комнатенка, семь на два, была завалена книгами, которые декорировали пустоту, вызванную отсутствием мебели. Студенческие привычки дали буйную поросль в этих благоприятных условиях, где не властвовало, как в общежитии, комендантское око, а скромная милицмейская зарплата поддерживала пренебрежительное отношение к житейским благам. На полу валялись бумажки, исписанные формулами, — это Чернов, не в силах отказаться от былой привязанности, факультативно изучал высшую математику; еще три года назад Павлу прочили блестящую научную карьеру, способности его к абстрактному мышлению были несомненны, но, поди ж ты, Эварист Галуа надел милицмейский китель. Впрочем, китель — это для красного словца, обычно Павел носил импортный вязкий пиджачок.

Да, странные лейтенанты стали появляться в учреждениях, призванных блюсти общественный порядок, — чудаковатые, отмеченные неистребимой печатью индивидуальности, которую меньше всего ожидаешь увидеть в лице служащих строго официальных учреждений. Знамение времени, что ли... Впоследствии я уже не удивлялся, если в коридоре милицмейского управления, в царстве людей действия, встречал задумчивых лобастых мальчиков, которые по своему облику и поведению больше подходили бы, скажем, научно-исследовательскому институту: очевидно, наука и исследование в соответствии с какими-то объективными законами вторгались в область, где ранее прерогативой обладало действие, отсюда и овеянный уже литературной славой тип юного и дерзкого гения, стремящегося познать и сокрушить старые истины для ведения новых.

— Если тебе все же придет в голову написать детективный рассказ, — продолжал Павел, — обязательно перечитай Шекспира.

— «Откупори шампанского бутылку или перечти «Женитьбу Фигаро», — в тон следователю ответил я.

Мне не хотелось завязывать серьезный разговор: всю неделю я безвылазно провел в редакции и жаждал реки, воздуха, легкой бесшумной воскресной болтовни.

— Нет, в самом деле, — сказал Павел, рассматривая графику, изображающую Полония, — вот пройдоха, который, несомненно, заслуживал быть занесенным в полицейскую картотку, если бы такая существовала тогда в Дании. Шекспир великий мастер по части криминалистических загадок.

— Сообщи об этом на кафедру западной литературы. «Новое об английском драматурге. Шекспир и угрозыск».

— Кретин! Представь себя на месте следователя, который за-

стает картину, описанную в финале «Гамлета». Разберись в этом хитросплетении смертей, где причинная зависимость запутана. Кто виновник, ну?

— Король, — бодро ответил я. — Мы, диалектики, все знаем априори. Далек он был от народа. На рыбалку поедешь?

Мне хотелось отвлечь приятеля от его вечной углубленности в профессиональные проблемы, которые он умел извлекать отовсюду с настойчивостью неопита. Так начинающий медик ищет в своих знакомых симптомы изучаемой болезни.

— Не поеду, — сказал Павел. — Жду звонка...

— Вот ты говоришь о детективе. Но о чем именно писать? Взял бы меня на расследование... — Говоря это, я и не предполагал, что в самом деле буду писать рассказы, главным героем которых станет следователь Павел Чернов. — Или вы все там такие секретные?

— Да нет. Отчего же не взять... Только нужно разрешение начальства, сам повимаешь.

— Попробуем. Да и ты скажи словечко. Комолов разрешит тебе.

— Может быть, и съездим вместе.

— Но только чтобы интересное дело, — сказал я и тут же устыдился своих слов, потому что Павел нахмурился и с треском захлопнул книгу.

— Ты говоришь как институтка. «Интересное дело» — а для кого? Да весь смысл нашей работы состоит в том, чтобы «интересных дел» не было. Нас больше радует, когда тревоги ограничиваются пустяком. Короче говоря, мы в основном занимаемся профилактикой.

— Ну, а если...

— Бывают и «если».

Спустя два месяца благодаря этому разговору я стал свидетелем — и даже участником — самого короткого расследования, которое когда-либо проводил Павел Чернов, а на долю этого парня выпало немало, потому что вскоре ему стали поручать самые запутанные дела. Впрочем, детективные истории следует рассказывать строго по порядку...

Звонок, которого я ждал так долго, раздался в самое неподходящее время — существует же закон «падающего масла вниз бутерброда»! Я сидел в опустевшей редакции и, грызя ручку, обдумывал статью, посвященную силовосанию соломы. Статью надлежало сдать через час, поэтому я ответил на звонок немым ругательством, широко распространенным в административных кругах: приподнял и тут же опустил трубку. Но звонок прозвучал снова.

— Алло, пресса! — сказал Павел, узнав мой голос. — Вежливый человек не бросает трубку. Если хочешь, поехали с нами. Выходи к подъезду редакции через пять минут. Ждать не будем.

По решительному тону я понял, что Павел «на стреме» и даже взволнован. К счастью, в редакции еще оставались ребята из сельхозотдела, проводившие шахматный блицтурнир, и мне

удалось обменять статью о соломе на субботнее дежурство по номеру.

Через пять минут я ввалился в милицейский, забрызганный грязью «газик», чьи-то руки втянули меня в кузов, и мы поехали, падая друг на друга при резких поворотах и чертыхаясь. В кузове, кроме Павла, который, судя по всему, был назначен старшим в оперативной группе, были еще доктор — его выдавал классический саквояж, немолодой усатый лейтенант с худым лицом аскета, которого называли «товарищем Сквороденко», двое сержантов и технический эксперт с фибровым чемоданчиком.

Оперативники переговаривались вполголоса; сержант, прикрыв ладонью трубку радиотелефона, требовал от какого-то «центрального», чтобы тот незамедлительно сообщил следователю прокуратуры адрес: «Двадцать третий километр, дача номер девять в Казенном лесу». Никто не обращал на меня решительно никакого внимания. Впрочем, человек моего роста и не может рассчитывать на уважительное отношение при первом знакомстве.

Сквозь маленькие, забрызганные грязью окна я увидел одинокий дом с крестообразной антенной, за антенной висело розовое закатное солнце. Мы выехали за город по Кунтукскому тракту, замелькали стволы лиственниц.

Воображение рисовало картины преступления, совершенного в пустом Казенном лесу, одна мрачней другой. Наконец я спросил у Павла:

— Что, собственно, случилось?

— На даче найден человек... Мертвый. Он взломал замок, забрался в дом, и что-то там произошло с ним. Непонятно.

«Сейчас я увижу это, — подумал я не без испуга. — «...взломал замок...» Хозяин дачи мог увидеть его, схватить охотничье ружье и... и, выстрелив, убежать сломя голову в страхе перед содеянным».

— А где владелец дачи? — спросил я.

Павел, иронически приподняв бровь, посмотрел на меня.

— О, ты уже строишь версию... Владелец дачи был сегодня в городе на работе — он мастер телеателье, — последние три часа провел на совещании у директора конторы и несколько минут назад выехал на своем «Москвиче» к кому-то из знакомых. Пытаемся отыскать его и сообщить о случившемся.

Павел помолчал с минуту, как бы выжидая, успею ли я смелить версию за время паузы.

— Смерть этого взломщика наступила недавно, участковый сообщил, что труп не успел остыть... Но самое главное — судя по приметам, на даче найден человек, которого разыскивают. Он бежал из места заключения.

— Вот как... Непростая история! — сказал я, испытывая то волнующее чувство опасности, какое может испытывать только человек, находящийся в окружении опытных вооруженных людей, которые отвечают за его жизнь. Оказывается, мы ехали навстречу неизвестному — что могло ожидать нас в таинственном Казенном лесу, мрачном, безлюдном и тревожном месте?

— Этот погибший — матерый преступник?

— Сквороденко лучше осведомлен, — сказал Павел, показывая на лейтенанта с чумацкими усами, несомненного меланхолика по темпераменту и философа по призванию; недаром же лейтенант был земляком незабывасмого Хомя Бруга.

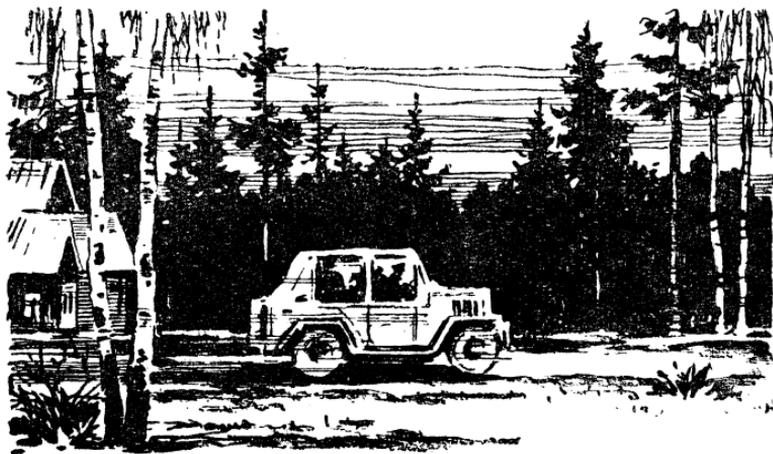
Лейтенант ответил не сразу, но вовсе не по причине метафизической углубленности: машину тряхнуло, жестяной потолок с грохотом обрушился на наши головы и тут же взлетел вверх для нового удара. Шофер, к счастью, не растерялся, произнес несколько профессиональных заклинаний, и выбоины кончились.

— Александр Воробьев, по кличке Рыжий Санчо, — произнес невозмутимый лейтенант, как только восстановилось равновесие. — По приметам вроде бы он. Такого сразу узнаешь. Как это он добрался сюда незамеченным — ума не приложу. Наверное, опять работал под мальчишку.

— Мы еще должны установить личность погибшего, но, по моему, все и так ясно: Воробьев рыжеволос и очень маленького роста, — пояснил Павел.

— Воробьев был осужден четыре года назад, — сказал Сквороденко. — Да вы, наверно, слышали про это дело: в паре с дружкой он вапал на почтовый самолет.

Я, конечно, помнил: в ту весну весь город говорил об этом дерзком нападении. Паводок был тогда необыкновенный, городской аэродром затопило, и «кукурузники», отвозившие деньги на отдаленные горные прииски для выдачи зарплаты, поднялись с летного поля аэроклуба в Лосихе. Там-то бандиты и напали на самолет; «кукурузник», вырвав на взлетную полосу, опробовал мотор, когда двое бандитов на мотоцикле подъехали к самолету. Пилот не обратил на них внимания, приняв за механиков, которые частенько разъезжали здесь. Ранив летчика и охранника картечью, бандиты похитили деньги — сумму не-

малую — и скрылись в сопках. Слухи приукрасили это событие драматическими подробностями, но несомненно было одно: денег так и не удалось найти, хотя бандиты вскоре были арестованы и отданы под суд.

— Наверное, за это дело возьмется Комолов? — спросил я.

— Возьмется, — сказал Павел. — А пока что он выдал мне карт-бланш. Должен осмотреть место и принять первые меры к розыску... Если потребуется.

«Газик» свернул на лесную дорогу и, стуча крепкими шинами по корням, побежал, петляя между лиственницами. Мы въехали в Казенный лес, который вопреки моим ожиданиям вовсе не был мрачным и глухим. Лучи заходящего солнца свободно проникали в чащобу и освещали бронзовые стволы деревьев, пахло живицей и мхом. Павел, замолчав, разглядывал дорогу. Через несколько минут лес кончился, солнце ударило в окна, машина, словно ослепленная, сделала неуверенный поворот и остановилась.

— Не будем терять времени, пока светло, — сказал Павел и первым выпрыгнул на траву. За ним, кряхтя, полез доктор с саквояжем.

После темного и душного «газика» вечер казался удивительно ярким и красочным. Высоко в небе отливали перламутром осенние легкие облака. Машина стояла на опушке лиственничного леса, справа расстился луг, покрытый сыпью кочек, а прямо меж деревьев виднелся рубленый дом с мезонином, обнесенный высоким забором. У калитки на лавочке сидел человек в миллийской фуражке и читал газету. Метрах в двухстах от дома на лесном берегу я увидел еще несколько дач, они казались вымершими, оставленными людьми — да так оно, наверно, и было, потому что с началом учебного года большинство дачников перебрались в город.

Все было пронизано тишиной и спокойствием, и, честное слово, если бы не постовой у ворот, я подумал бы, что мы попали не по адресу. У меня было такое ощущение, будто доктор, раскрыв саквояж, достанет пару ракеток для бадминтона, волан и, ко всеобщему удовольствию, выяснится, что розыгрыш, хотя и удачный, не может длиться бесконечно.

— Ну, что же ты отстаешь? — крикнул Павел с нетерпением.

«Вольно же вашему брату глазеть на все со стороны, — слышал я в его голосе. — Но коль уж ввязался, подчиняйся дисциплине». Время неспешных бесед кончилось, мы вступали в полосу действия.

Павел открыл калитку, и навстречу нам, осторожно ступая по траве, чтобы не затоптать следы на песчаной дорожке, вышел участковый, пожилой человек с благодушным, слегка оплывшим лицом. Рядом с ним Павел казался совсем мальчишкой.

— Все оставлено на месте? — спросил Павел.

— Все как положено. Был здешний доктор, констатировал смерть.

— Кто обнаружил труп?

— Почтальон, — участковый заглянул в блокнотик. — Савицкий Петр Васильевич. Он ожидает возле дома. Понятые тоже здесь.

Участковый пожал плечами: «Мы-то свое дело сделали, теперь очередь за вами...» Лейтенант Сквороденко оглядел калитку, а эксперт, суровый, как дантист, приготовил инструменты и фотоаппарат.

— Калитка была заперта? — спросил Сквороденко.

— Простая щеколда, — ответил участковый. — Чего там... А то, пожалуй, и не полез бы в эту дачу: забор вон какой.

Я с почтением оглядел высоченную ограду. Острия тесанных досок выглядели грозным предупреждением: из-за такого забора должен сейчас с грозным лаем выскочить пес...

— А где собака? — спросил Павел, рассматривая дорожку.

— Там, недалеко от крыльца, — сказал участковый. — Этот парень, видать, был не промах. Укокошить такую овчарку! Лютый был зверь, кидался, как тигр.

Очевидно, Павел тем же умозрительным путем, что и я, пришел к мысли о собаке, потому что дорожка ничего не могла подсказать ему, никаких отпечатков лап на ней не было, зато песок сохранил иные следы. Даже дилетант мог с полной уверенностью сказать, что на участок входило трое и среди них женщина.

Эксперт остановился, чтобы сфотографировать отпечатки и снять слепки. Сквороденко помогал ему. Он не терял своей украинской невозмутимости.

— Рифленая подошва — у почтальона, — пояснил участковый.

— А что за женщина?

— Не знаю. Она дошла до середины дорожки и повернула назад.

Я был рад этой минутной задержке у калитки, потому что, откровенно говоря, побаивался ступить на порог дачи, где ожидало меня непонятное и страшное. Но Павел решительно направился к дому, намереваясь начать следствие с главного.

Рисунки Ю. МАКАРОВА

Желтая песчаная дорожка, которую мы старательно обошли, вела к высокому крыльцу. Дом, рубленный из толстых лиственничных бревен, казался запущенным, кое-где сруб порос зелеными пятнами мха, на крыше рыжими лужицами лежала ржавчина. На участке росло несколько сосен, но большая часть земли была занята под яблони, тощие карликовые яблони, которые мужественно перевозмогали сибирские холода. К дому с торцовой глухой стороны был пристроен приземистый гараж; оттуда долетал запах бензина.

Вид участка и дома наводил на мысль о холостяцком образе жизни хозяина.

Эксперт стал осматривать замки на входной двери, а мы осторожно вошли в дом. Повинуясь безотчетному тревожному чувству — так манит и пугает пропасть, — я приоткрыл дверь, ведущую в кухню, словно бы зная, что именно там произошло несчастье.

На полу, неловко подвернув ногу, изогнувшись в напряженной позе, как бы намереваясь дотянуться до чего-то, что стало теперь невидимым, исчезло с глаз, лежал человек, для которого чужой дом стал склепом. Машинально я успел отметить, что он был худ, очень мал ростом, рыжеволос, что на нем был просторный, с чужого плеча пиджак, и тут мой взгляд остановился на лице мертвого. До сих пор я видел смерть лишь в ее благообразном и умиротворенном облике, который она принимает в день похорон.

Я оцепенел. Станным, неожиданным диссонансом ворвались в сознание новость откуда взявшиеся, давным-давно прочитанные и забытые строки Уитмена: «Ты, милая и ласковая смерть, струясь вокруг мира, ясная, приходишь...»

Неестественно расширенные, нечеловеческие глаза немо и в упор глядели на меня, это был холодный, невыразимо холодный, идущий из ничего, из пустоты взгляд смерти. Он проходил сквозь меня. Он был материализованным страданием, остекленевшим ужасом. Я забыл о том, что передо мной преступник, сам вызвавший этот страшный финал.

— Сядь, пожалуйста, — мягко сказал Павел и подтолкнул меня к стулу, стоявшему в коридоре. — Это зрелище не для людей с воображением.

Я послушно сел рядом с каким-то нахохлившимся человеком, и, пока полностью не пришел в себя, все дальнейшее ложилось лишь поверхностным отпечатком на сознание, не проникая вглубь. По коридору проходили люди в стандартных серых плащах, в кухне щелкал замком своего саквояжика медэксперт, кто-то монотонно диктовал стенографисту-сержанту описание дома, шепотом переговаривались в гостиной понятия; как ни странно, впоследствии оказалось, что моя память зафиксировала все события, как магнитная пленка. Так бывает во время киносеанса, когда задумываешься и перестаешь воспринимать то, что показывает экран, но потом, спустя час или два, обнаруживаешь с удивлением, что мозг в соответствии с какими-то неведомыми законами вел запись — увиденное и услышанное вдруг оживает с поразительной четкостью; правда, все важные и незначительные детали оказываются сваленными в кладовую памяти без разбора.

Так, из сказанного доктором мне особенно запомнились три слова: «Типичная тканевая аноксемия». Кто-то спросил доктора о значении этих слов, и доктор ответил, что аноксемия, или удушье, в данном случае, несомненно, вызвана воздействием синильной кислоты — яда, который, будучи принят даже в небольшом количестве, вызывает почти мгновенную смерть.

— Аш-це-эн, бесцветная жидкость с легким запахом миндаля.

«Вот как! Та самая классическая синильная кислота, — подумал я. — Обязательная принадлежность детективных повестей и фильмов».

— В каких дозах она смертельна? — спросил кто-то.

— Шестьдесят миллиграммов. Думаю, он принял по меньшей мере десятикратную дозу.

Павел, сняв со стены старую собачью плетку, задумчиво рассматривал ее. Потом его внимание привлекла сдвинутая на сторону картина, висевшая на уровне его головы. Он провел пальцем по раме, посмотрел на след, оставленный в пыли, и, встав на табуретку, взглянул на верхнюю раму.

— Вы хотите сказать, что бутылка с синильной кислотой хранилась в холодильнике?

Это с недоумением спрашивал доктор.

— Нет, такого я не допускаю, — ответил Павел. — Думаю, что...

— Шкаф с одеждой взломан! — перебил его уса́тый лейтенант.

— Разумеется, взломан. Иначе как объяснить, что на мертвом костюме, принадлежащий Шавейкину?

— Почему вы думаете, что Шавейкину?

— Посмотрите — в кармане жировка на имя хозяина дачи.

В доме зажгли электричество, разом вспыхнули лампы, необычайно яркие: голубоватый свет стоватток заливал даже коридор — похоже было, что хозяин дачи не был сторонником экономии электроэнергии. Слева через дверной проем я видел угол кухни, стол, на котором сверкали консервные банки и бутылки, справа, в глубине коридора, словно бы часть сцены, если на нее глядеть из-за кулис, открывалась увешанная коврами гостиная. Там у платяного шкафа с открытой дверцей возился эксперт: он наклеивал на полированную дверцу какие-то листочки бумаги и тут же отдирал их — фиксировал отпечатки пальцев. Судя по спокойствию, автоматизму, с каким действовали сотрудники угрозыска, планомерный осмотр не давал экстраординарных результатов. Павел соскочил с табуретки, поморщился:

— Сержант Сабареев, свяжитесь с центральной. Отыскали они этого Шавейкина или нет? Мне бы не хотелось продолжать осмотр без хозяина дачи.

Все время, пока оперативники и понятые были заняты ритуалом осмотра, почтальон Савицкий, сидевший рядом со мной и, очевидно, так же как и я, ошеломленный событиями, тяжело сопел, уткнувшись в воротник, и только изредка бессвязно бормотал: «Вот оно как, значит...», «Беда ходит по свету...», «Надо же, однако...»

Это был немолодой, грузный мужчина с дыханием астматика — внешность его как-то не вязалась с обычным представле-

нием о человеке, профессия которого требует быстрых ног и легкого сложения. Но, может быть, в этих дачных местах с неспешным, праздничным тоном жизни не нуждались в марафонцах. Я попытался было заговорить с соседом, но почтальон, повернув ко мне багровое лицо, прогудел нервным баском «лимпо-по, лимпо-по», и я осекся: гражданин Савицкий, взявший на себя тяжкую роль первого вестника несчастья, был явно взбудоражен.

Вскоре Павел, покончив с самой спешной работой и мельком оглядев гостиную, вышел на крыльцо. Я последовал за ним — атмосфера дома казалась удушливой и зловещей.

Солнце уже село, но перистые облака, тлевшие в чистом и высоком осеннем небе, освещали землю. Идиллическая картина дачного вечера, казалось, подействовала и на Павла, он спокойно курил, облокотясь на перила, и только желваки, взбухающие под кожей, выдавали тщательно скрываемое внутреннее напряжение.

— Может быть, я могу чем-то помочь?

— Нет, — резко ответил Павел и сделал движение рукой, словно бы закрывая несуществующую дверь и отгораживаясь от моей назойливости.

Я виновато улыбнулся: было бы глупо обижаться на эту резкость. Ему приходилось в сто крат тяжелее, чем мне: чьи-то судьбы легли тяжелым бременем на его плечи. Он не имел права ошибаться, так как его промах позволял безнаказанно уйти преступнику и таким образом рождал новую потенциальную трагедию. Ценой ошибки могла стать чья-то жизнь.

Но, возможно, все это было пустым теоретизированием по поводу, и в данном случае от следователя требовалось лишь аккуратное и механическое исполнение ритуала: протоколы, допросы, сбор вещественных доказательств.

Неожиданно Павел спрыгнул с крыльца и, подойдя к тому месту, где лежала собака, принялся шарить в кустах боярышника. Вскоре он выпрямился, держа в руке находку: топор, насаженный на длинную прямую рукоять.

— Не мог же он принести его с собой!

Этот вопрос относился не ко мне, а к какому-то невидимому оппоненту, и мне оставалось лишь молча согласиться со своим другом. Почтальон, который вслед за мной вышел на крыльцо, испуганно попятился: топор лег на крыльцо, у его тяжелых, на рифленой подошве ботинок.

— Он не мог принести его с собой, — еще раз сказал Павел самому себе.

Это был большой, тяжелый колун с затупившимся ржавым лезвием, к которому прилипли клочья серой шерсти. Почтальон, которому на сегодня было достаточно впечатлений, испуганно юркнул в дом. Павел снова принялся осматривать двор, но поиски были прерваны сержантом Сабаревым, который бодро отработал:

— Хозяина все еще разыскивают; раздобыли адрес знакомого, к которому он поехал. Центральная подтверждает, что Шавей-

кин с трех до шести часов был на совещании в ихней конторе. Если б, товарищ лейтенант, минуток на пяток раньше, застали бы!

— До шести, а Воробьев умер в пять, — пробормотал Павел. — Так кто же все-таки... И откуда топор? Воробьев не мог его принести, значит взял где-то здесь, у дома... Рядом!

Соскочив одним прыжком со ступенек, он заглянул под крыльцо и, наконец, нашел то, что искал. Не в силах сдержать любопытства, я тоже спустился, встал на четвереньки и сунул голову в полусумрак. На влажной темной земле виднелся отпечаток, оставленный обухом. Вмятина хранила следы ржавчины. Павел приложил топор к углублению и удовлетворенно хмыкнул.

— Их моют дожди, осыпает их пыль, — промурлыкал он, поднимаясь и отряхивая брюки. Он был похож на мальчишку, нашедшего тайник пирата Флинта.

В эту минуту на песчаной дорожке, ведущей к дому, я увидел женщину. Она сделала несколько шагов и потом, заметив нас, остановилась в нерешительности и повернулась было, чтобы уйти, но тут в калитке показался насупленный сержант.

Не думаю, что преувеличенное внимание человека в милицейской форме способно обрадовать кого бы то ни было. Меня несколько не удивило испуганное лицо женщины. Она беспокойно переводила взгляд с Павла на сержанта, не пытаясь скрыть замешательства.

Ей было лет шестьдесят. Очевидно, приехала она откуда-то из деревни, парадный плюшевый жакет и узорчатый платок навели на мысль о том, что визит к Шавейкину не был для нее рядовым событием. До меня долетел чуть внятный запах нафталина: словно бы приоткрыли крышку заветного бабушкиного сундука.

— Вы к кому? — спросил Павел.

Женщина робко приблизилась к нам. Сержант в сверкающей пуговицами шинели и фуражке с кокардой внушал ей больше опасений, чем двое штатских.

— Шавейкина мне, — сказала она. — Но я уж... я лучше это... Уж я, милые, пойду лучше.

— Погодите, не бойтесь. — Павел усмехнулся. — Шавейкин живет в этом доме. — Он перевел взгляд на ее ботинки. — Вы только что приехали?

— Заходила я, милый, сюда, заходила: как приехала, так и заглянула, да замок висел. — Женщину явно обрадовала улыбка Павла, и, оглядываясь на меднолицего сержанта Сабарева, она затараторила:

— Из Бугрихи я, гражданин, меня там все знают, а Елистратьев, депутат, как раз напротив живет, а соседи, Зыкины, мне сказали: съезди в Казенный лес, там вроде работница нужна, за дачей смотреть, тебе по болезни как раз подходяще, и адрес дали...

— Они что ж, знакомы с хозяином дачи, эти Зыкины? — спросил Павел.

— Они, может, не знакомы, а шурин их почтальоном работает здесь, в Казенном лесу, он-то и сказал, Савицкий его фамилия.

Адрес дали, я и поехала, ну, увидела, что замок на дверях, и пошла пока на станцию, чтобы переждать на станции, у меня шурины в обходчиках. Вы уж меня не задерживайте, милые, я из Бугрихи приехала, и Елистратьев, депутат...

— За что ж мы вас будем задерживать? — сказал Павел. — Может, подождете хозяйина?

— Да нет, в другой раз, — ответила женщина, отступая потихоньку к калитке. — В другой раз.

— А вы каким поездом, мамаша, приехали? — спросил Павел.

— Рабочим, который днем смену на комбинат возит.

— Это поезд из Калистратова, — пояснил приблизившийся Сабареев, который все еще продолжал сверлить жительницу села Бугрихи настроженным, гипнотизирующим взглядом. — Приходит сюда в полчетвертого. А от станции здесь пятнадцать минут ходу. Я-то здесь в транспортной милиции служил, знаю.

— Верно, милый, верно, — подтвердила женщина, не оборачиваясь к страшному сержанту. — В полчетвертого, верно.

— Что ж, придется вам приехать еще раз, — сказал Павел. — Пойдемте, мамаша, я вас провожу на станцию.

Высокая массивная калитка захлопнулась. Я вернулся в дом и, чувствуя себя не у дел, робко уселся на свое место в коридоре, рядом с почтальоном, терпеливо ожидавшим окончания осмотра. Разговор на участке навел меня на мысль, что во всей этой истории почтальон, возможно, и не такое уж случайное лицо, как могло показаться вначале. На всякий случай я решил присматривать за ним. В гостиной слышались голоса, шелестели бумаги, шел разговор о каких-то актах, под которыми надлежало расписаться понятиям.

— А мне, между прочим, идти пора, — сказал мне почтальон без особого дружелюбия в голосе. — Я же первый в милицию позвонил, и меня же, между прочим, задерживают. А у меня еще три письма неразнесенных и «Сельская жизнь» с выигрышной таблицей, и мне идти нужно.

— А я такой же, как вы, — успокоил я почтальона. — Тоже вроде бы задержанный. Дело требует!

— А! — почтальон опасливо отодвинулся и замолчал. Ядовитый росток недоверия протянул к нам зеленые щупальца. «Вот она, атмосфера дома, где совершено преступление, — подумал я. — Подозрение бродит по комнатам, ищет жертву. И всегда ли бывает справедлив выбор?»

— Вот тут Рыжий Санчо и мог взять бутылку с кислотой, — донесся до меня возбужденный, с легкой хрипотцой голос лейтенанта Сковороденко. — Видите, в шкафу стоят химикаты. Он полез в шкаф за костюмом и схватил бутылку. Наклейка его подвела...

Голос у лейтенанта был решительный и отвергающий малейшую возможность возражений. Очевидно, опыт и возраст сделали свое дело — лейтенант оттеснил Павла на второй план и пришел к какому-то простому решению, которое опровергало все подозрения и страхи. Мы с почтальоном посмотрели друг на друга с немым вопросом: «А ты здесь, собственно, зачем, если все и так ясно?» Да что в нем было странного, в Савиц-

ком? Одутловатый, страдающий одышкой дядя, выбравший сильную работенку в этом маленьком поселке...

Вскоре вернулся Павел.

— Ну что ж, проведем небольшое совещание, — предложил он.

Мы прошли в гостиную. Я обвел глазами собравшихся. Сухопарый, со скептическим тонкогубым ртом доктор держался с профессиональным хладнокровием и отрешенностью, которая свойственна людям, постоянно и буднично соприкасающимся с такими всеобъемлющими величинами, как жизнь и смерть. Вероятно, волнения оперативников казались ему с философских высот мелкой служебной возней. Павел нервничал, хмурил брови, лицо его заливал предательский юношеский румянец. Уса́тый Сквороденко, самый старший в группе, поглядывал на всех с мудрым и чуть ироническим спокойствием человека, знающего свой потолок и знающего, что при вечных своих лейтенантских звездочках он — в пределах этого потолка — величина незаменимая. Участковый многозначительно покашливал в кулак. Привыкший к тихой пригородной жизни, участковый выглядел несколько смущенным. Сухощавый, длинный как жердь эксперт упаковывал свой чемодан.

Все эти люди, групповой портрет которых лег в мою память, как на литографский камень, должны были сделать первый шаг к разгадке.

— Что ж, попробуем сообща установить картину, — сказал Павел. — Не будем пока строить версий. Сейчас нам важно знать, как это произошло. Итак, два дня назад из заключения бежал некто Воробьев, рецидивист, по прозвищу Рыжий Санчо, ранее отбывавший наказание за бандитизм. Последнее его преступление достаточно хорошо известно. Полагаю, личность Воробьева можно считать предварительно установленной?

— Он, Воробьев! — убежденно сказал Сквороденко. — Я же его знаю как облупленного. Рыжий, маленький, со шрамом. И фотографии при мне. Санька «работал» в паре с Оливцом. Они сошлись где-то на Дальнем Востоке вскоре после войны. Оливец — из бывших полицаев — скрывался там. «Работала» парочка грубо, но долгое время их не удавалось взять.

— Хоть грамотные были ребята-то? — спросил Павел.

— Какое там! — махнул рукой лейтенант. — Злыдни, как говорят на Украине. Будь поумнее, поняли бы во время амнистии, что это у них единственная возможность вернуться к нормальной жизни. Дубоватые хлопцы, занесло их в рецидив прочно.

— Однако на аэродроме они действовали ловко, насколько мне известно, — заметил доктор. — И похищенных денег вы так и не нашли. Выходит, эти двое обвели милицию вокруг пальца.

Сквороденко поморщился. Видимо, скептик доктор не в первый раз докучал ему своими насмешками.

— Любите вы проезжаться насчет милиции, вам-то что! Составили акт — и до дому... Если б обвели вокруг пальца, то не попались бы.

— А телефонный звонок? — спросил доктор.

— Ну, был анонимный звонок, кто-то помог нам. Ну и что? В общем поймали их, судили. Деньги якобы они бросили в реку: уничтожали улики, спасаясь от погони. Может, так оно

и было. Оливец вскоре погиб в заключении во время драки, а Воробьев... Вон он, на кухне, Воробьев.

Сковороденко красноречиво развел руками: мол, покатая дорожка привела уловника к закономерному финалу. Наступила короткая пауза, во время которой я еще раз осмотрел гостиную и пришел к выводу, что этот законченный рецидивист Воробьев, как бы ни был туп и малограмотен, отличался известной образительностью: дачу он облюбовал богатую, хотя по внешнему виду дома этого никак нельзя было предположить.

— Итак, после побега Воробьев скрывается в течение двух дней, — продолжал Павел. — Очевидно, какие-то деньги у него были, потому что в кармане ковбойки мы обнаружили железнодорожный билет. Сегодня в двенадцать дня Воробьев приехал в город с московским почтовым, а потом на пригородном — в шестнадцать двадцать — добрался до Казенного леса. Думаю, однако, что Воробьев истратил последние деньги и голодал все эти два дня, иначе, едва ворвавшись в дом, не набросился бы с таким остервенением на еду.

— Да, выглядит он изможденным, — подтвердил доктор.

— Голод его и заставил податься на дачу, — сказал Сковороденко. — В городе он боялся показывать себе эту дачу. Приехал в Казенный лес. Сентябрь, пусто. Рассчитывал пожить.

— Силенка в нем все же была, — неожиданно оживился участковый. — С овчаркой справился! А овчарка у Шавейкина ростом с телят и злоющая. Почтальон говорит: этой овчарки сам хозяин побаивался, дикая была собака. Трехлетний пес, молодой еще, но — зверь.

— Кстати, когда осудили Воробьева и Оливца? — спросил Павел.

— Четыре года назад, — ответил Сковороденко. — Но давайте по порядку, товарищи. В общем, Павел Иванович, ясно, что из города он метнулся сюда и облюбовал себе эту дачу. Его не только голод привел, ему еще нужно было отсидеться немного, переждать. Знал ведь — поиски уже объявлены всюду.

— Как он справился с замками? — перебил лейтенанта Павел. — Вы в этом деле большой специалист, разобрались, наверно.

— Дело простое. Калитка держалась на щеколде, открыть ее не стоило труда. Он вошел на участок, увидел: на двери висячий замок, стало быть, хозяина нет. В этот момент на него набросилась собака. Воробьеву повезло — под рукой оказался топор. Расправившись с собакой, он принялся сбивать висячий замок. В двери был еще один замок, вставной, довольно сложный, но, очевидно, хозяин им не пользовался, если уезжал ненадолго.

— Верно, — подтвердил эксперт.

— И все-таки мне кажется, кто-то помогал этому Воробьеву, — сказал доктор, раскуривая трубку. — Он не отличался, насколько я могу судить, большой физической силой. А тут, видите ли, убивает овчарок, взламывает без помех замки...

— Но нет никаких следов второго, — возразил эксперт. — Ни отпечатков пальцев, ничего, никакого намека. Как вы считаете, Павел Иванович?

— Да, похоже, что Воробьев был в доме один, — сказал Павел. — Я даже уверен в этом.

— Ну, вот видите, — сказал Сквороденко, чрезвычайно довольный тем, что его поддержали в извечной борьбе с насмешником доктором. — А сбить всякий замок — силы не надо. Немножко ловкости, сноровки — и сделано. Значит, он прошел на дачу. Но, хоть и был голоден, прежде всего проник в гостиную, а не в кухню. В гостиной натоптано — с ботинок осыпалась грязь, — а в кухне следы не так приметны. Ясно — Воробьев понимал, что прежде всего надо позаботиться о деньгах и одежде. Затем он занялся холодильником.

— Резонно, — сказал Павел. Он как-то незаметно уступил первую роль опытному Сквороденко и теперь с большим вниманием слушал лейтенанта, делая пометки в блокноте.

— На столе мы обнаружили две открытые банки консервов, половину батона, стакан с недопитой жидкостью и бутылку из-под «Сибирской настойки»...

— В которой не настойка, а яд, — сказал доктор. — Стало быть, вы должны предположить, что либо хозяин дачи умалешенный и держал синильную кислоту в холодильнике, либо здесь был «второй», который и отравил — правда, неизвестно зачем — Воробьева.

— Минуточку, — сказал Сквороденко, глядя сквозь доктора и обращаясь как бы и не к нему, а к стоявшему за его спиной оппоненту, который, несомненно, был более достоин разъяснений, чем доктор. — А вы видели этот шкаф?

Он подошел к большому, украшенному зеркалами шкафу и распахнул дверцу. Я увидел ряд костюмов, старомодных костюмов, бостоновое великолепие, сверкавшее в свете люстры.

— Отсюда Воробьев взял пиджак самого маленького размера, какой только нашелся. Обращаю ваше внимание — замочки взломаны не только на этой дверце, но и на другой, — лейтенант открыл вторую, малую дверцу, в этом отделении на одной из полок чинно выстроились бутылки с заманчивыми этикетками. На верхней полке хозяин дачи хранил различные документы, накладные и деньги. Я уверен, что пачка пятирублевок, которую мы обнаружили в кармане мертвого Воробьева, лежала именно на этой полке, о чем свидетельствует и найденная здесь разорванная облатка, на которой почерком Шавейкина проставлены цифры «5×10». У Воробьева было именно столько государственных казначейских билетов, ни больше ни меньше.

— Но при чем здесь бутылка с синильной кислотой? — спросил доктор. — Я, извините, был занят в кухне и не знаю ваших изысканий.

— А чуть ниже, видите? — торжествуяше продолжал лейтенант. — Вот в этих симпатичных бутылочках хозяин дачи хранил ядохимикаты — раствор парижской зелени, ДДТ и прочее, что нужно для садовода. Можно предположить, что здесь же стояла и злополучная бутылка с наклейкой «Сибирская настойка». Наклейка и подвела взломщика.

— Тем более что эту «настойку» наш завод освоил недавно, — сказал участковый, застенчиво потирая нос, — и этот Воробьев не знал ни вкуса ее, ни, это, запаха, гм.

Лейтенант уничтожающе посмотрел на незадачливого участкового, но тут Павел пришел на выручку бедняге.

— Очень дельное замечание, — сказал он.

Сковороденко улыбнулся. Это была улыбка человека, который хорошо понимает, как важно сохранять чувство юмора в самых драматических ситуациях. Однако, как мне показалось, Павел вовсе не шутил.

— В общем похоже, что дело было так, — сказал лейтенант. — Забрав деньги, пиджак — брюк по размеру не нашлось, — взломщик прихватил бутылку и отправился в кухню перекусить. Вот тут-то... А что дал в аш осмотр, доктор?

— Отравление синильной кислотой, — сказал доктор, посасывая трубочку, — смерть наступила почти мгновенно, полагаю, было это около пяти часов. Никаких следов борьбы, телесных повреждений на теле не обнаружено. Не думаю, что вскрытие даст нам что-либо новое... Может, вы и правы, лейтенант. Этот Воробьев, мне кажется, страдал алкоголизмом. Возможно, что, не разобравшись, хватил... Но откуда хозяин дачи достал синильную кислоту и зачем хранил ее среди химикатов?

— Позвольте мне заметить, — кашлянув, сказал участковый. — Мы, это, все здесь по-соседски живем, и я как-то, помню, заходил к товарищу Шавейкину потолковать о том, о сем. Он, это, показал мне свой садик и похвастал, что раздобыл у какого-то приятеля химика синильной кислоты для окуривания против всяких сельхозвредителей. Я сам слышал, что средство хорошее, хоть и редкое.

— Когда вы с ним разговаривали? — спросил Павел.

— Весной было, деревья цвели. С полгодика прошло, стало быть.

— А вы что скажете, Павел Иванович? — спросил Сковороденко.

— Картина, которую вы нарисовали, выглядит закономерной и... естественной. Но нам нужно обязательно поговорить с хозяином дачи. Сабареев! — крикнул Павел, открывая дверь в коридор.

Сабареев, явившись, стукнул каблуками и четко отрапортовал:

— Пройдите к машине и еще раз свяжитесь с центральной. Отыскали они, наконец, Шавейкина или нет?

— Повезло Шавейкину, — сказал Сковороденко, когда сержант, показав армейскую выучку, повернулся и вышел. — Во-первых, четкое алиби, никаких подозрений, во-вторых, вернувшись, он встретит прежде всего постового, а не труп. Наткнуться в собственной кухне на мертвого человека — это, знаете ли, переживание не из приятных.

— По-всякому бывает, — сказал Павел. — У иных людей железные нервы. Но, мне кажется, надо еще раз поговорить с почтальоном.

Лейтенант пригласил Савицкого. Почтальон неловко, боком, протиснулся в дверь, уселся в кресло, нервно сцепив пальцы, оглядел нас.

— Я уже рассказывал участковому, — сказал он приглушенным голосом, робея перед столь грозной аудиторией. Он не в первый раз давал пояснения, и слова казались заученными, стертыми. — В половине шестого, как обычно, я обходил поселок с целью

вручения вечерней корреспонденции. Подойдя к дому гражданина Шавейкина, я постучал в калитку.

— Вы всегда стучите или просто опускаете газеты в ящик? — спросил Павел.

— Гражданин Шавейкин, если он дома, с нетерпением ждет свежую почту, — ответил Савицкий, переводя дыхание. — Тем более сегодня опубликована таблица трехпроцентного займа, а он проявляет к этому делу интерес. Я хотел его порадовать. Может, его ждет выигрыш! У нас не как в городе — все друг друга знаем.

— Вы постучали — и?

— На стук никто не ответил, но меня удивило вот что: собака не отозвалась. Этот пес бросается на малейший шорох. Я решил, что хозяин вернулся и взял собаку в дом.

— Быть может, собака просто привыкла к вам и потому не лаяла, — сказал Павел.

— К сожалению, собаки никогда не привыкают к почтальонам, — сказал Савицкий. — Уж это я могу вам сообщить с полным знанием дела... Я толкнул калитку и увидел, что она не заперта на щеколду. Это еще более укрепило меня в мысли, что хозяин дома, и я вошел на участок, чтобы вручить ему газету лично. Подойдя к крыльцу, я обнаружил, что висячий замок сорван и висит на клямке. Тут же я побежал на станцию и позвонил товарищу участковому.

— Скажите, а где вы были в пять часов? — спросил Павел.

— В почтовом отделении возле станции, — без колебаний ответил Савицкий, — получал газеты. К нам они пришли поздно.

— Вы давно живете здесь?

— В прошлом году мы переехали сюда из Белоруссии.

— В деревне Бугрихе у вас есть родственники?

— Есть. Зыкины их фамилия. Сестра моя, видите ли...

Но он не успел объяснить, какая степень родства объединяла его с Зыкиными. В дверях показалась загорелая скуластая физиономия Сабарева.

— Центральная сообщает, товарищ старший лейтенант, что отыскали знакомого, у которого был Шавейкин. Но самого Шавейкина не застали — пять минут назад выехал в направлении Кунтукского тракта. Полагают, через полчаса будет здесь.

Павел уже не слушал почтальона. Он посмотрел на меня, кивнул головой, показывая на дверь.

— На минутку, — сказал он.

Мы вышли на крыльцо. Уже совсем стемнело, шумели едва различимые в сумерках громады сосен. Павел постукивал пальцами по перилам. Я чувствовал, что он словно сжался в комок от нервного напряжения, и его состояние невольно передалось мне, хотя я еще не понимал, в чем дело. Самая щепетильная и неприятная часть расследования, думал я, уже позади. Но откуда же исходит сигнал тревоги?

— Нет ничего хуже, когда догадываешься, в чем дело, и чувствуешь себя бессильным что-либо доказать, — сказал Павел глухим голосом. — Когда понимаешь, что тебя перехитрили... Не просто тебя, а закон, потому что ты его представляешь.

Может быть, я несу банальщину, понятия долг и ответственность стерлись от неосторожного употребления, но, понимаешь ли, я всегда чувствую это — долг и ответственность. Вообще перед людьми. Прописные истины высказываю я журналисту, да? Но ты представь себя на месте человека, одетого в милицейскую форму, вот на тебе синяя фуражка с кокардой, и ты едешь в электричке, и вдруг какое-то хулиганье — и ты, ты должен встать первым, потому что все смотрят на тебя, и сколько бы их ни было и чем бы ни были вооружены, ты должен быть первым. И если загорится дом или перевернется лодка на реке — и всюду ты, понимаешь, ты! И не имеешь права отступить, не имеешь права ошибиться... И вот сейчас я, может быть, впервые чувствую себя никчемностью, беспомощной никчемностью перед лицом расчетливого, коварного преступника. Если ошибусь — он останется безнаказанным. И безнаказанность может толкнуть его на новое преступление. Кто же в ответе?

Я молчал, несколько ошарашенный признанием, которое плохо вязалось со сценой в гостиной, где Павел выглядел уверенным в себе, толковым следователем, отнюдь не склонным предаваться рефлексии.

— У нас всего лишь несколько минут, — сказал Павел. — Я затеял этот длинный разговор только потому, чтобы ты понял сложность ситуации. Дело это не простое. И ты единственный человек, который может сейчас помочь в несколько минут распутать клубок, иначе его никогда не распутаешь.

— Но чем же я?.. Я ничего не знаю.

— Ты заметил, что Воробьев был очень маленького роста?

— Заметил... Но...

— Сто пятьдесят шесть сантиметров. Его всегда принимали за подростка. Его трудно спутать с кем-нибудь из нас... Кроме тебя. Ты, наверно, на два-три сантиметра выше Воробьева, но в сумерках смог бы сойти за него.

— Все же я не понимаю...

— Слушай внимательно. У меня нет времени объяснять, что и почему. Мы уберем труп из кухни и отправим вместе с доктором в город на машине. Вместо Воробьева останешься ты. Вместо живого. Какой размер обуви ты носишь?

— Тридцать шестой.

— Отлично. Это размер Воробьева. Мы подметим дорожку, и ты пройдешь от калитки в дом, оставив следы. Наденешь ватник и кепку, чтобы скрыть темные волосы. Будешь стоять у окна кухни — именно стоять, чтобы в глаза сразу бросался твой рост — и ждать приезда хозяина дачи. Шавейкин войдет в дом и включит электричество, но тут же произойдет замыкание. Во время вспышки он заметит только фигуру. На всякий случай ничего не говори. Не отвечай Шавейкину, что бы он ни сказал. Мы будем ждать в гостиной и войдем, когда он скажет то, что нужно. Ничего не бойся, мы рядом.

Я молчал, стараясь запомнить каждое слово и все еще не понимая. Павел коснулся моего плеча.

— Мне еще не приходилось устраивать таких экспериментов. Но я уверен, что так нужно. Все зависит от тебя. Ты сможешь, скажи?

— Да, — сказал я, не успев еще как следует обдумать это странное и неожиданное предложение.

Через несколько секунд я уже сожалел о поспешном соглашении, да и кого бы вдохновила перспектива разыгрывать роль ожившего мертвеца, оставшись в темном, погруженном в тишину доме? Кто его знает, как поведет себя Шавейкин, увидев в своем доме чужого человека, пусть даже и очень маленького роста...

Но как бы то ни было, «да» было сказано. Я не без внутренней борьбы подавил трусливые мысли и решил, что мне будет легче, если я во всем буду полагаться на старшего лейтенанта Чернова. Он знает. Он знает, что так нужно для того, чтобы поймать таинственного преступника. Стало быть, надо помочь — и точка.

Тем временем Павел отдавал короткие и четкие команды, все пришли в движение, как будто ждали каких-то решительных действий. Один Сквороденко остался сидеть в кресле, не без иронии поглядывая на суету. Странно, но зараженный скепсисом доктор тут же принялся выполнять указания старшего лейтенанта, словно бы передав своему противнику недоверчивую улыбку.

— Что-то я такого не припомню в практике, — громко пробормотал лейтенант. — Существуют методика, инструкции... Ну ладно, завтра будем разбираться в упавлении.

Через несколько минут милицейский «газик» отъехал от ворот и скрылся в лесу. Сабареев подмел участок так, чтобы на нем не оставалось никаких следов, затем я прошел от калитки до крыльца, оставив на песке отпечатки ботинок. Не без содрогания надел я ватник, принадлежавший Воробьеву.

Мне показалось, что одежда еще сохраняла тепло. Павел нагнул мне на лоб кепку-«ленинградку», поставил меня между холодильником и окном, покрутил немного и, удовлетворенно хмыкнув, сказал, что «в целом порядок». Затем он проверил пробки в счетчике и, вывернув лампочку в кухне и подсвечивая фонариком, вставил в патрон двухкопеечную монету, затем снова ввинтил лампу.

Все это происходило в ускоренном темпе, как будто в старом немом фильме. Скрипнула дверь, и узенький луч карманного фонарика исчез. Через минуту затих и шепот в гостиной.

Я стоял у окна, чувствуя себя персонажем собственного материализованного сновидения. Бурные события, которые увлекли меня в этот Казенный лес, привели к какому-то ирреальному финалу. Вот я стою в темном чужом доме — и я это уже не я, а беглый заключенный, рецидивист Рыжий Санчо, только не тот Санчо, что едет бездыханным в тряском «газике», стучаясь головой о лавку, а другой, его двойник, теплокровная, искусно смоделированная копия. На мне его ватник и кепка, от ватника пахнет шпалами, мазутом — запахами бегства, а у фуражки согнутый маленький козырек с оторванным краем, козырек, достойный Саньки Рыжего.

Стало до дрожи жутковато. Скрипнула где-то разошедшая половица, я вздрогнул и невольно вытер ладонью лоб. Гудел

холодильник — только сейчас я различил этот звук, выделившийся из абсолютной, как мне казалось, тишины. Потом «кап-кап» — напомнил о себе умывальник. Где-то в лесу загуркотал мотор. «Милицейские чины, естественно, вынуждены были подчиниться, — мелькнула мысль, — но я-то, я-то зачем поддался?» Быть может, прав Сквороденко и вся эта инсценировка не что иное, как мальчишечья выдумка Чернова, вызванная необдуманной жадной действия.

Окно вдруг озарилось голубоватым мертвенным светом автомобильных фар. Прорычал мотор, хлопнула дверца машины. Я замер, нервы, словно провода, передавали звук неслышных

еще шагов человека. Погасли фары. Снова наступила полная темнота, только холодильник смутно белел в углу.

Сейчас хозяин войдет на участок и увидит взломанный замок на дверях. Скорее всего, испугавшись, он бросится к соседним дачам, чтобы позвать людей, поднимет шум... На этом и закончится наш «эксперимент».

Провизжала ржавыми петлями калитка. Тяжелые шаги послышались на крыльце. Потом лягнуло чем-то металлическим — очевидно, Шавейкин нащупал замок, висевший на клямке.

Нет, он не остановился в растерянности и испуге. Смело шагнул в темный дом. Он не спросил «кто там», не издал ни одного удивленного восклицания. Либо этот Шавейкин был поистине бесстрашным человеком, либо...

Совсем рядом я услышал дыхание Шавейкина. Он остановился на пороге кухни. Должно быть, его глаза уже привыкли к темноте, и на фоне окна, стекла которого просивали тусклый вечерний свет, он увидел меня.

— Это ты? — спросил он шепотом.

Я подавил готовый сорваться ответ. Послышался шорох — рука нащупывала выключатель. Я прикрыл лицо. Раздался характерный треск короткого замыкания — яркая вспышка на какую-то долю секунды озарила дом. Я успел разглядеть сквозь пальцы человека в синем плаще.

Темнота обрушилась, как удар. Человек зажег спичку, но она осветила лишь его лицо — узкое, длинное, на котором гримаса испуга стиралась искусственной улыбкой. Спичка дрожала.

— Не закрывайся, — сказал он. — Это я, Шавейкин.

Спичка упала на пол, словно бы выбитая дрожью из рук. Мгновенным, как вспыхнувшая в лампе искра, озарением я понял, что этот человек ожидал увидеть меня, Рыжего Санчо, мертвецом. Какая-то напряженная работа клокотала в его мозгу.

— Я не мог приехать раньше, Саня, — сказал он сдавленно и заискивающе, преодолевая спазмы голосовых связок. Слова нащупывали дорогу ко мне, словно палка слепца, постукивающая по асфальту. — Ты позвонил так неожиданно... Но теперь будет порядок, Саня. Здесь тихо, спокойно. Ну, что ты молчишь?

Я затаил дыхание.

— Что ты молчишь? Ты живой, Саня? — взвизгнул он, давая прорваться надежде. — Что ты молчишь? Ты не должен плохо думать обо мне, Саня. Я не виноват, что так получилось.

Ладонью я зажал рот. Вот оно что... Они одного поля ягоды, Санька Воробьев и этот владелец недвижимости из Казенного леса.

Я сделал шаг вперед. Шавейкин, споткнувшись о порог, отступил.

— Я твою долю, Саня, сберег. Я все сделал для тебя, Саня...

Я чувствовал где-то перед собой растопыренные пальцы Шавейкина. Он словно отмахивался от призрака.

Дверь гостиной распахнулась от резкого толчка, и сноп света извлек Шавейкина из спасительной темноты, приковал к стене. Так же, как и я, не шевелясь, он заслонился одной рукой, а другую протянул вперед, как бы желая остановить неведомую ему угрозу.

— Не выходите из кухни, — сказал мне Павел, не сводя луча фонарика с хозяина дачи. Я понял, что мне следует оставаться Санькой Воробьевым до той минуты, когда Шавейкину объяснят загадку ночной встречи. — А вы пройдите, — приказал старший лейтенант Шавейкину и провел его в гостиную.

Тем временем Сквороденко заменил пробку, и в доме вспыхнуло электричество. Усатый лейтенант махнул мне рукой: очевидно, это был жест благодарности. На лице Сквороденко светилась торжествующая улыбка. Теперь строгий лейтенант одобрял эксперимент.

Я опустился на табуретку и полной грудью набрал воздуха, сбрасывая с себя оцепенение и нервную дрожь. В гостиной на время забыли обо мне, там шел допрос.

— Когда вам позвонил Воробьев? — громко спросил Павел. — Предупреждаю, нам все известно, и если вы попытаетесь хитрить, это будет учтено на суде. Показания занесутся в протокол.

Пауза длилась недолго. Да и кто на месте Шавейкина смеет уйти от прямого ответа? Он был ошеломлен.

— Воробьев позвонил мне в первом часу дня, — глухо сказал он. Мне показалось, что я вижу его вспотевшее лицо. — Он позвонил и сообщил, что бежал из заключения и просит приютить его.

— И вы помчались на дачу?

— Да, — ответил Шавейкин. — Я сел в машину и поехал на дачу...

Я не выдержал и, подойдя к гостиной, приотворил дверь. Мне не терпелось взглянуть на Шавейкина.

Маленький юркоглазый человечек в пиджачке букле с вкрадчивым, приглушенным голоском, слашабо-вежливый... Приказчик!

— Вы видите перед собой жертву обстоятельств, — сказал Шавейкин, вбирая голову в плечи и разводя руками, — всего лишь жертву, да!

— Да, жертву! — сказал Павел сочувственно. Шавейкин приободрился. Лихорадочные поиски спасения привели к первому

результату. Он заискивающе посмотрел на старшего лейтенанта, весь ожидание и внимательность. — Жертву, которая расставляет сети и превращает свой дом в ловушку. Жертву, которая предусмотрительно оставляет в холодильнике бутылку с ядом. Вы жертва только потому, что наконец-то сами запутались в своих же сетях... Но начнем по порядку.

Красные пятна гнева выступили на лице старшего лейтенанта. Шавейкин съезжился.

На следующее утро, когда все, что произошло на лесной даче, казалось, как принято выражаться, дурным сном, мы с Павлом встретились в областном управлении милиции, в комнатке угрозыска.

— Прибыли представители прессы, — сказал Павел, вставая из-за стола, заваленного бумагами. — Кстати, ты вызван в управление как свидетель и участник очной ставки. Я разговаривал с Комоловым, и тот от имени областного угрозыска просил выразить тебе благодарность...

— Прежде всего ты должен все объяснить, — сказал я, — это и будет выражением благодарности.

Павел выглядел бледным и усталым: видимо, допрос длился всю ночь. Комната густо пропахла никотином.

— Ладно, — согласился Павел. — Закуривай, не брезгуй «следовательскими».

— С чего начнем? Ты помнишь — после осмотра напрашивалась версия о самоотравлении взломщика. Она выглядела естественной, закономерной. Именно на это и рассчитывал Шавейкин, подготовив ловушку для своего бывшего сообщника...

Первые подозрения возникли у меня после беглого знакомства с дачей. Это были скорее предчувствия, смутные опасения, но они заставили более детально осмотреть место происшествия, дали направление поиску.

В доме Шавейкина меня сначала заинтересовал яркий свет. Во всех комнатах горели стосвечовые лампы. Между тем Шавейкин — ты обратил внимание на обстановку? — был скопидомом. Фарфоровые горки в буфетах, а пил из выщербленной кружки. Собаку держал впроголодь... Боязнь темноты, сумрака оказалась сильнее, чем свойственная ему жадность. И еще — собачья плетка. Хозяин часто ее применял. Зачем он систематически бил пса, который, кстати, безукоризненно выполнял обязанности сторожа? Так мог поступать только мелкий, трусливый человек, который срывал на безответном, преданном существе приступ злобы...

Словом, было видно, что Шавейкин — личность не совсем обычная. Может быть, Воробьев оказался в этом доме не случайно. Стоило заинтересоваться хозяином дачи. Поэтому я не совсем доверял первоначально возникшей версии, пусть даже четкой и неоспоримой. Это подозрение нельзя объяснить чисто логическим путем...

— Интуиция?

— Может быть. Я решил разобраться в тех фактах, которые хоть и укладывались в первую и единственную версию, но все-таки содержали неточности. Доктор был удивлен тем, что Воробьев не пострадал в схватке с собакой. Конечно, преступник мог убить овчарку одним ударом топора. Но как все-таки это ему удалось? Очевидно, он ожидал нападения и первым нанес удар. Однако, во-первых, если бы он знал, что участок охраняет злющая овчарка, то выбрал бы другой объект — пустых дач достаточно в Казенном лесу; во-вторых, он бы прихватил с собой оружие, причем менее заметное, чем колуи на длинной рукояти. А как ты видел, топор был найден им под крыльцом. Стало быть, Воробьев не знал о том, что дачу охраняет овчарка.

Он без труда открыл калитку и направился прямо к дому, об этом говорят следы. Схватка могла произойти только у крыльца, там, где примята трава. Допустим, что чуткий сторож сплочовал и не сразу учуял чужака...

— Может быть, пса не было на участке?

— Ты забыл: дача огорожена сплошным забором высотой в два с половиной метра. Пес никуда не мог уйти. Выходит, он сплочовал и напал на взломщика уже у крыльца. Воробьев схватил топор. Просто? Но для этого ему нужно было нагнуться и залезть под крыльцо. Не очень-то удобная поза. Неужели овчарка спокойно позволила ему взять топор и подставила себя под удар? Это возможно лишь в том случае, если собака помнила Воробьева. Но овчарке было три года, а Воробьев был отправлен в колонию четыре года назад. Помнишь, участковый сказал о возрасте собаки, а я уточнил у Сквороденко, когда оудили Воробьева и Оливца?

Напрашивался вывод — овчарку убил не Воробьев. Но кто и когда? И тут мне совершенно неожиданно помогла эта старушка из деревни Бугриха. Первый раз она пришла на дачу примерно без четверти четыре. Вошла на участок, увидела замок и отправилась к своему родичу-путейцу. Я проводил ее на станцию, чтобы проверить показания — они были правдивы. Помнишь, она говорила, что сначала «постучала в калитку» и лишь потом открыла шеколду и вошла. Собака не бросается, не лает. Так же, как и Санька Воробьев, не подозревая о существовании овчарки, старушка ступает на участок.

Ясно: уже в то время овчарка была мертва. Ее убили ударом колуна. И опять-таки этого не мог сделать Воробьев. Судя по билету пригородного поезда, который был найден в кармане его телогрейки, он приехал на станцию Казенный лес в шестнадцать двадцать, позднее старушки.

Кто же убил овчарку? Только человек, который мог спокойно в присутствии собаки достать топор из-под крыльца. Только человек, к которому был привязан пес. А пес был привязан к одному человеку — своему хозяину.

Значит, Шавейкин... Зачем хозяину потребовалось убрать непримиримого сторожа дачи? Ответ ясен: он знал, что кто-то должен проникнуть на дачу, и расчистил ему путь.

Это предположение сразу объясняло еще одну деталь. На песчаной дорожке мы не нашли иных следов, кроме тех, что оставили Воробьев, женщина из Бугрихи и почтальон. Ни отпечат-

ков лап собаки, ни следов самого хозяина. Выходит, Шавейкин, уходя с дачи, уже после убийства собаки подмел дорожку. Зачем? Да чтобы мы ясно видели следы взломщика.

Итак, Шавейкин знал, что на дачу явится взломщик. Знал и хотел, чтобы тот пришел. И тут все факты, с которыми столкнулось расследование, вступают в новое взаимодействие, и рождается другая версия. Хотел, потому что в холодильнике гостя ждала бутылка с синильной кислотой. Неуклюжий участковый сделал правильное замечание насчет «Сибирской настойки», которую недавно начал выпускать завод...

Да-да, не в шкафу стояла эта настойка, а в холодильнике; естественно было предположить, что голодный человек не оставит без внимания холодильник. А если учесть, что этот человек алкоголик, а в колонии со спиртным было, сам понимаешь, туго...

И тут я еще раз вспомнил о таинственном разбойном нападении на самолет. Это продуманное в деталях, дерзкое нападение свидетельствовало о недюжинных способностях его организаторов и великолепной информации. Между тем осуществлено оно людьми малограмотными — Сковороденко, который участвовал в расследовании, засвидетельствовал, что оба рецидивиста, Воробьев и Оливец, отличались примитивным, грубым почерком. Значит, можно было предположить, что был «третий», взявший на себя роль «мозгового центра». Его не нашли тогда, как, естественно, не нашли и денег — «третий» должен был позаботиться о том, чтобы надежно схоронить добычу. А что если «третий» — Шавейкин? Ловкость, предусмотрительность, которые он проявил, расставляя сети для своего бывшего сообщника, свидетельствовали о недюжинном «таланте преступности». Если Оливец и Санька Воробьев были надежными исполнителями, то такой человек вполне мог взять на себя роль организатора. Хитрый, трусливый, осторожный, рассудительный, он решил загрести жар чужими руками.

Возможно, разбой на летном поле был единственным его преступлением, он понимал, что рано или поздно рецидивист попадется, и решил играть единожды, но на крупной.

Все стало проясняться, возникала цепь событий. В первом часу Воробьев приехал в город. Он опасался появляться на улицах, позвонил Шавейкину из автомата. Шавейкин хотя и не ждал звонка, но давно предвидел возможность внезапного появления Рыжего Санчо. Амнистия, условно-досрочное освобождение, побег — мало ли что. Вероятно, с этой целью он приобрел синильную кислоту, о которой предусмотрительно рассказал участковому. Как же, садовод! Он еще не знал, как применить свое «оружие», но знал, что должен избавиться от человека, который, во-первых, потребует половину добычи, во-вторых, может по неосторожности выдать его.

Надо было избавиться от Воробьева, но так, чтобы не навлечь на себя подозрений. Возникает план. Беглец требует убежища, и Шавейкин соглашается помочь. Он советует сообщнику отправиться на дачу в Казенный лес. Правда, дача заперта, предупреждает Шавейкин, а сам он, чтобы не наводить, мол, на след,

не сможет приехать тотчас. Но не беда: Воробьев может без труда сорвать замок и затаиться на даче до сумерек. Но прежде всего он должен взять кое-что из одежды в шкафу и прихватить деньги, на случай если его спугнут и придется снова бежать. На даче найдется кое-что из съестного...

Воробьев, получив инструкции, отправляется в Казенный лес, а Шавейкин на своем «Москвиче» спешит опередить его. Прибыв на дачу, он убирает овчарку, ставит в холодильник бутылку с ядом, устраивает в шкафу «выставку ядохимикатов». Он оставляет один только висячий замок, подметает дорожку и спешит в город, чтобы обеспечить алиби.

Расчет прост. Вечером он «неожиданно» наткнется на сорванный замок, вызовет милицию и... И милиция засвидетельствует гибель взломщика, павшего жертвой собственных преступных намерений. И концы в воду. Воробьев унесет с собой их тайну. Если у следствия и возникнут подозрения, то они ничем не будут подкреплены.

Когда стал ясен план Шавейкина, я понял, что только сейчас, пока хозяину дачи не стало известно о том, что замысел удался, мы сможем изобличить его. Сейчас или никогда. Промедление будет означать провал. Он мог попасться только в собственные сети, иных ловушек для этого хитреца и убийцы не существовало.

Но как его поймать? Несомненно, что Шавейкин, приехав на дачу во второй раз, не сразу помчится в милицию. Ему надо убедиться в том, что Воробьев мертв, не то провал. Значит, он войдет в дом и осмотрит труп.

Ну, а если он увидит в кухне живого Воробьева? Ошеломленный неудачей, испуганный, он заговорит, попытается что-то объяснить и этим неминуемо выдаст себя.

Остальное тебе известно не хуже, чем мне... Добавлю только: сегодня я узнал, что четыре года назад Шавейкин вместе с другими связистами выполнял какие-то наладочные работы в аэроклубе в Лосихе. Там ему стал известен график отправления самолетов с кассирами. С двумя рецидивистами, бывшим полицаем и опустившимся алкоголиком Воробьевым, он познакомился случайно в живной. Там и зародилась идея ограбления.

Павел замолчал. За окном настойчиво сигнализала машина, вызывая кого-то из управления. Разгорался суетный день.

— Одного не пойму, — сказал я. — Что же он за человек, этот Шавейкин... Зачем?

— Зачем? — повторил вопрос Павел. — Мы тоже нередко задаемся этим «зачем». Принято говорить — пережиток. Это ничего не объясняет. Кто может поручиться, что через сто или двести лет, когда пережитком будет то, что рождается сейчас, не явится человек, обуреваемый завистью, ревностью, злобой, жадной обладать тем, что должно принадлежать не ему одному, а всем, обществу? Помнишь, у Эзюпери сказано — только дух, коснувшись глины, создает из нее человека. В данном случае глина-то была: дух не коснулся. Были способности, был ум, правда, изворотливый, хитрый, но все-таки ум — и вместе с тем душевная узость, завистливость, жадность.

Шавейкин вошел в комнату пригнувшись, как бы в полупоклоне перед «начальством», всем своим видом выражая покорность, раскаяние и полную готовность вывернуть себя наизнанку. Бледный, расплывчатый человечек в клетчатом пиджачке. Подтянул брюки, чтобы не вздувались пузырями, уселся на предложенный стул, сложил ручки. В нем не было, однако, растерянности — очевидно, в голове Шавейкина созрел какой-то план защиты.

— Я бы просил сообщить обо всем случившемся прокурору Шараеву, — с нзигранной робостью сказал он. — Видите ли, я знаком с ним, он часто пользовался услугами нашего телеателье, и я полагаю...

— Прокурору уже сообщено, это наша обязанность, — сказал Павел.

— Нет, нет, чтобы лично обо мне сообщено.

Он застыл в ожидании. Приказчик, несомненный приказчик! Торгашеская душонка: сладенький голосок и два вопроса, светящихся в прищуренных глазках: почему, как? Все покупается, все продается, надо только узнать, за какую цену и чем, потому что не всегда соблазняют деньги, — может быть, тебя, старший лейтенант, куплю намеком на большие связи, и ты станешь помягче, добрее. Надо только нащупать лазейку, узнать: почему, как?

И вдруг неожиданная мысль льдистой волной залила меня — что, если бы мир, окружающий нас, и впрямь был бы создан по образу и подобию, угодному приказчику, мир купли и продажи, где отношения между людьми вымерены золотом, где власть дается богатством, а богатство изворотливостью и обманом? Дави, наживайся, выкарабкивайся, покупай, властвуй, тогда уж с тебя не спросится, тогда сам будешь спрашивающим, диктующим. Ого, как развернулся бы наш Шавейкин с его способностями и сметкой!

Опоздал приказчик, безнадежно опоздал!

— Вы узнаете этого человека? — спросил меня Павел.

— Да, — ответил я, — узнаю.

Мы вышли из управления вечером, солнце цеплялось за телебашню, поставленную над городом на Белой сопке. Самолет ташил в небе серебряную нить, распахивались двери учреждений, у кинотеатра выстраивались очереди. Нас подхватила толча, понесла, как поток, перекатывая через перекрестки.

Павел отстал — я оглянулся и не нашел его в толпе. Он растворился в улице, слился с нею: стандартное демисезонное пальтишко, кепочка, тонкая, как гвоздик, папироска в зубах. Отличи такого среди тысяч подобных. Наконец я заметил лоток букиниста, протиснулся, узнал знакомую фигуру. Павел листал книгу, букинист что-то втолковывал ему.

— Слушай, Павел, а ведь это твое дело, — сказал я, стараясь подавить нотки сочувствия и утешения. — Твое, понимаешь, от начала до конца.

Павел посмотрел на меня недоумевающе.

— Разумеется, мое. Я должен заниматься такими делами, раз уж выбрал угрозыск.

Он не понял. Ну ладно, решил я. Хорошо, что не понимаешь. Должен — тебе это слово объясняет все. Но тогда я должен рассказать о тебе.

Ты говорил как-то об эпитафиях, которые можно найти у Шекспира... Хорошо, начнем с эпитафия.

